Бенефис Булгакова

Заметки о премьерах на телевидении и в театре

«Оперетта можно только в [illegible] Булгакова знал, он был рожден поэтом. Это духовное пространство, «раскалывает горизонт» ощущаем мы, прикасаясь к его искусству. И пусть у Булгаковский бум не затихает, нарастает, врывается во нас все сильнее и сильнее. Как только появится свободный, бросились к Булгакову: издано, ставят на телевидении, играют на сцене, снимают в кино. Здесь и легенда, и тайная вибонь, и царство фантазии, и свет, свет духовная над властью, невежеством, злом, над безверием. Как в вас отзвуки, как «нерв»?

Искусство Булгакова нужно читателю, поэтому режиссеру. Все хотят ставить Булгакова! Мода? Сколько на издают — мало, или не поставят — успев. Да и мода тоже. Мода — это тень от истины. Если представить истину в облике гаргантюа, например («вверх тормашками» получаются от предметов и людей), тень от нее — это и будет мода. Ничего страшного, даже приятно, полезно, интересно. Помните, Воланд выговаривает Левию Матвею: «Как бы выглядела земля, если бы с нее исчезли тени?.. Не хочешь ли ты обойдись весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии насладиться голым светом?»

Что тому, что мы не признаем тени? Мы пропадаем без объемного зрения. Даже самые лучшие из нас видят изображенными на плоскости людей, движения, жизнь. Слышат и говорят слова, пренебрегая метонимией, возвеличивают факт, не задумываясь о сути, пугаются в чистках, теряются в мыслях — и все оттого, что желают «голого света», а немедленно. Вы смотрели сеансы? Да разве эти голые слова на голой трибуне Конгресса — честный посредник? Всмотритесь, вы почувствуете у него есть потребность духа, это не то, что неудовлетворенность ужасом, это другая дуга, другие заботы. Довольно вмазывают люди, а не слова, и потеря зоны из людей — страшная беда. А сохранить и усилить его помогает нам искусство. И потому волшебная сила Булгакова — пробуждать потребности духа — влечет нас и завораживает.

Когда я первый раз шла на спектакль Генриетты Яновской «Собачье сердце», когда сидела в Саратов на премьеру «Мастера» и Александру Дзекуну, сердце мое холодело от страха: а вдруг это вовсе не похоже, совсем не то, не так, слова не все, артисты не любят ее, как я? О! Это было испытание для многих и будет всегда испытанием для тех, кто читал, знал, таил в себе это счастье давно и так уж свыкся. Что и [illegible] Вывод в то, в каждом есть. Для меня это первая встреча с Бенгальским — поэтом, мастером, чародеем. И тут уже вопрос важнее суть, суть этого таинства мира — есть она или нет? Утверждение художественное зрение, объемное зрение — есть оно или нет?

Не приходится спорить, Булгакова ставить трудно. Но обнаружить, так, где стихия Булгаковского художественного угадала, происходят поистине чудеса. Спектакль Яновской торжествующей булгаковской карнавальностью утверждал необходимость гения перед видом отчаяния. Утверждая власть неизменства, темного большинства, тревожной и длительно разрушая в горожане — Булгакове предвидел, предупреждал — и режиссер трагедию эту, подступившую к городу, [illegible] сильной карнавальностью, злом, весело и [illegible] ставящей победу ума над темнотой, [illegible] человека над шарикоиными. Сила заразительности и сила театра встает на защиту здравого смысла. Не случайно Яновской удалось на первой постановке в МТЮЗе так собрать, обновить, возродить интересные силы коллектива.

И то же у Дзекуна: Саратов слыл городом не театральным, талантливый режиссер, выпускник Ленинградского института, многие годы тонко, интересно работал, но и на хороших спектаклях зал был неполон. И вдруг Булгаковский «Мастера и Маргариту» играли в два почера, город сошел с ума, два сезона сплошных аншлагов. Это не просто успех — произошло обновление сознания, изменилось отношение людей к театру, к творчеству вообще, к художнику, к жизни, может быть, оно открывать иные глубины страдания, иная сила чувства. Они играли, тонко предвидели. И все-таки неполною жаль этого сатанинского блеска, театрального остроумия, которое на телевидении утрачено. Впрочем, это неизбежно — такие сокращения — выбрали одну линию, в которой слышны сокровенные булгаковские темы — творчество и любовь. Жизнь есть творчество, а творчества нет без любви — вот какая тенденциозный этот роман, фильм-спектакль «Мастер и Маргарита». Эпизодический настрой, который главенствует в обратной структуре Булгакова, здесь есть. Красота авторской мысли как бы вырастает, складывается, собственно из серийности сценическим действий, из реальности фантазии и реальности бытия. Артисты работают с неподдельной любовью и самостоятельно. Безупречен Воланд — А. Гавко, убедителен Понтий Пилат — Г. Аредаков, хороший Маргарита — В. Федотова, Иешуа — А. Сычев и Мастер — В. Литвинов (я всем поражен: как пристально и чисто внутренний, молодой Вернер!).

Газы из романа — гаремно вздохом саратовцы свои сжимались, в котором проявляют всякость замысла и благородство исполнения.

Спор Иешуа и Понтия Пилата — напряженное интеллектуальное сознание, в котором каждый хочет обратить другого в свою веру. Два мыслящих человека, жизнь постаивая их к барьеру, делается, и один должен уничтожить другого, «встаивается в реальности». Возникает трагическое мгновенное чувство. Но кто виноват нас в него, не сам ли мы держим путь? Разве человеку не дано понять, предвидеть нравственные тупики?

«Так что же такое истина?» — хотя можно прокуратору Иудеи Понтий Пилат. Каждый на нас пытается над этим вопросом, на это уходит вся жизнь, а часто не недостаточно. Но художник, способный синтезировать в своих произведениях собственные жизненные наблюдения и культуру цивилизации, поощряет нас в этой работе. Булгаков всей своей жизнью, силою духа и мощью фантазии сделал подвиг творчества очевидным для всех людей, определив Мастера и Маргарите жизнь в вечности.

«О! Этот тринды романтический мастер!» Наполеоны Стендаля печально и гневно Театральные страницы его жизни. Он переживал трагедию непонимания, он вступил в мир отчаяния, и Маргарита просила решить у дьявола. Сатана на Патриарших прудах, фантастический Воланд, и невидимый миру Иешуа вовлекли «Мастера — мечта о бессмертии и о возмездии осуществились.

«...Люди выбирают разные пути. Один, спотыкаясь, карабкается по дороге тысячелетий, другой повзет по тропе унизительной лести, иные пробираются по дороге инженерия и обмана...» — говорит Дон Кихот в Булгаковской инсценировке. И это прекрасно, что сам Булгаков, пересекающий земные блага, но не честь», как всесильный и совершенный Дон Кихот, живет среди нас и помогает нам.

И так было всегда: в 20-е годы «Дни Турбиных» начинают новейшую историю Художественного театра, и что бы ни писалось позже, значение этого Булгаковского спектакля принуждать невозможно; а 60-е годы оттепели нашего одного из первых вернулся к нам Булгаков постановкой пьесы «Бег» на московской сцене, а затем в кино, и во многих театрах, и влияние его на ход театральных новаций было огромно. И теперь, в наши дни, снова Бенефис Булгакова!

Телевизионную премьеру лишь лучшего спектакля театра в Театре Советской Армии пьесы [illegible] Ивушку. Здесь [illegible] мощно сказать, нарастает [illegible] «Мастера» чинимости гения поистинному катастрофе, дьявольски Европейский прекрасен нуж и слаг героев от смерти, но настоящее спасение несет только вера в творчество и любовь. И они все — и Адам, и литератор, и аннотатор, и [illegible] из пробуждения Мастера — должны пройти свой путь к этой простой истине.

Как всегда, в работах Ингуулу появляет артистизм и наличие особая театральная воздушность. Режиссер, ставящий пьесы Юна Дауда, приобщен к поэзии театра, знает, что такое тонкий мир, вязает мы. В спектакле многое угадано, найдено, но не хватает, является, «фонтана», яркое оживление сценическое и музыкальное. А может быть, эту пьесу надо Омск ставить с большой театральной прозой? Увидеть всех персонажей, их нравы, все события, как бы на площадях первого века. Предтечами, как все устроилось в мире, устроилось, и расцветает не только европейский дом, но и всемирное братство, и вот оттуда, с точки зрения чистой человечности, норм, гармонии посмотрим на эту неоплотнотворяющую нравственность, метеритность, недальновидность — наивно доверчивым, отважным, нелепыми кажаются события, они как бы произвольно одеяться в гротескный наряд, актеры получат большую возможность «оценивать» своих героев, смеяться над ними. Мне показалось, нечто подобное присутствовало в размышлениях режиссера — на сцене библейское дерево и райские яблоки в корзине, но наверх этот недостаточно разнят. Когда-то Эфрос ставил «Женитьбу» Гоголя с «чутоем» «Шинели» и даже с чутоем Достоевского. И здесь, в эту пьесу, можно было смело вводить автора «Мастера» с его дьяволиадой, сарказмом. Сегодняшний зал не терпит прямого обучения, да и не для Булгакова это. И хотя артист И. Ледогоров вчистке с режиссером очень динамично, изящно вводит образ автора, все же внутри театрального действия большей подлинной была бы его вдохновляющая стихийная.

...«Боги, боги мои! Как грустна ночная земля! Как таинственны туманы над болотами... Кто иного страшал перед смертью, кто метал над этой землею, неся на себе непосильный груз, тот это знает».

Знает мастер, знает Булгаков. И значимое Вродским свойство поэзии, открывающей, что «доверяться можно только о поэзии», определяет вообще сущность художества, приоткрывает тайну его. Булгаков видел горизонт и нам его оставил.

Н. ИСМАИЛОВА.